

НА РАЗ ДВА ВРЕМЁН. 80-е

ЭТА КНИГА — ПОПЫТКА
ПОПЫТКА ВСПОМНИТЬ
80-Е ГОДЫ.
КАК МЫ ЖИЛИ
ТОГДА. ЧТО ПЕРЕЖИВАЛИ.
О ЧЕМ МечТАЛИ.
ВО ЧТО ВЕРИЛИ.
ЭТА КНИГА
О СТУДЕНЧЕСТВЕ
В ТЕ ГОДЫ.
СТРОЙОТЯДАХ.
КОМСОМОДЕ.
СТРОЙОТЯДАХ
КОМСОМОДЕ
О ПЕРИОДАХ
ПЕРИОДАХ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВЕЯНИЕ И ИДЕИ
БЫЛИ ТОГДА
ГЛАВНЫМИ ДЛИ
НАС СТУДЕНТО
ИЗМЕНЕ
ФОРМИ
НАШИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ. ЭТА
КНИГА — НАБОР
ИСТОРИЙ, КОТОРЫЕ
ВСПОМИНАЕТ
ПЕРЕСМАТРИВА
РА
ИЗСТА
ТЬЕ
РАЧИТА
НЕ
ПОЖЕЛТЕВШИЕ
ПИСЬМА
ПИСЬМА
Т РОДИТЕЛЕЙ. ДРУГА
Т РОДИ
ЖЕНЫ. ЭТА КНИГА
ДРУГА
ХРОНИКА ЛИЧНЫХ
КНИГА
ИСТОРИЙ И РАССКАЗОВ
ЛИЧНЫХ
НА ФОНЕ ВЕЛИКОГО
И РАССКАЗОВ НА ФОНЕ
ПЕРЕЛОМА
ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА.
КОГДА НАЧА
КОГДА НАЧА
РАЗВАЛИВАТЬСЯ
РАЗВАЛИВАТЬСЯ
СОВЕТСКАЯ
СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА
СИСТЕМА
И РУШИТСЯ
И РУШИТСЯ
СОВЕТСКИЙ
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ.
СОЮЗ.

СЕРГЕЙ
ВАСИЛЬЕВ

 альпина
ПАБЛИШЕР

СОВЕТСКАЯ
СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА
СИСТЕМА
И РУШИТСЯ
И РУШИТСЯ
СОВЕТСКИЙ
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ.
СОЮЗ.

Сергей Анатольевич Васильев

На разломе двух времён. 80-е

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28789180

На разломе двух времён. 80-е / Сергей Васильев: Альпина Паблишер;

Москва; 2018

ISBN 978-5-9614-5130-6

Аннотация

Сергей Васильев – первый инвестор и председатель совета директоров «Рамблера» в 1999–2001 годах, инвестбанкир и председатель совета директоров инвестиционной группы «Русские Фонды». Но это сейчас.

А раньше были советское детство, пионерлагеря, школа, техникум со стенгазетами и комсомольскими собраниями, учеба в МФТИ, «картошка», стройотряды, студенческое общежитие, работа инженером и первые поиски своего пути в кооператорстве и банковском бизнесе. Вся эта череда событий происходила на фоне исторических перемен, которые, набирая обороты, неумолимо вели к переломному моменту в жизни огромной страны – развалу СССР, разделившему нашу жизнь на до и после...

Книга – сборник биографических рассказов, личных писем и фотографий автора на рубеже 1980–1990-х годов. Это частные

истории из недавнего прошлого нашей страны, такие знакомые для каждого, кто застал ту эпоху, и в то же время такие личные.

Содержание

Горловка	9
Наш двор	14
Детские мечты	18
Совок	22
Пионерлагерь	25
Машина	31
Мама	36
Школа	40
Наши книги	47
Техникум	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Васильев
На разломе двух
времён. 80-е

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

**НА
РАЗЛОМЕ
ДВУХ
ВРЕМЁН.
80-е**

Руководитель проекта *А. Рысляева*

Арт-директор *Л. Бенишуша*

Дизайнер *М. Грошева*

Корректор *И. Астапкина*

Компьютерная верстка *Б. Руссо*

Фотоматериалы предоставлены автором, а также агентствами *East News, Fotodom.ru, ТАСС, «Коммерсантъ»*

© С. Васильев, 2018

© ООО «Интеллектуальная Литература», 2018

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Горловка

Горловка (1974)

Мы вернулись в Горловку, когда мне было 9 лет.

После сибирского городка нефтяников, состоявшего из деревянных домов, посреди болот и тайги, шахтерский город Горловка показался мне огромным. Тут у нас была трехкомнатная квартира на пятом этаже хрущевки.

Из таких же обычных пятиэтажек состоял весь район. Но расставлены дома были как-то по-особому и образовывали своего рода внутренний двор, на него и смотрели подъезды соседних пятиэтажек. Там были устроены две асфальтированные площадки: на одной мы играли в футбол, а на другой летом крутили кино. Это сильно меня тогда удивило. На площадке стояли крашенные деревянные скамейки и сцена, я долго не мог понять, зачем они тут?

И вот как-то вечером, в субботу, когда солнце уже заходило за тополя, во двор въехала машина и какие-то важные люди стали устанавливать кинопроектор и натягивать экран. Постепенно из домов стали выходить жители ближайших пятиэтажек и рассаживаться там, кто семьями, кто в одиночку.

– Что сегодня привезли? – спрашивали они у киномеханика.

– Узнаете еще, – важно отвечал тот, устанавливая свои

бобины. А когда уже совсем темнело и в горловский двор приходила вечерняя прохлада, механик наконец-то включал свою «шарманку».

Все начиналось с «Фитиля». Потом шла серия «Ну, погоди!» или «Ералаша», и только после этого вступления кино-механик запускал какую-нибудь старую советскую комедию или новый индийский фильм.

«Зита и Гита» под вечерним небом, среди тополей и как будто расступившихся пятиэтажек, среди друзей и соседей...

Во время сеанса все, дети и взрослые, громко смеялись, болтали, переживали и охали, а девчонки визжали, когда в белую простынь экрана вдруг врезалась летучая мышь – в Горловке летними ночами много летучих мышей.

По утрам наш двор оглашался дребезжащим звоном колокольчика – это приезжала «молочка» со свежим молоком или мусорка. Мы с сестрой постоянно спорили, как разделить эти обязанности: понятное дело, идти за молоком было приятнее, нежели выносить мусор.

Молока в Горловке тогда было очень много. Его привозили каждое утро во двор на «молочке», но можно было пойти за ним и в магазин. Там за продавщицей висел большой плакат: «Жить возможно, скажем прямо, без вина и табака, но никто с времен Адама жить не мог без молока!».

В стену была встроена огромная стеклянная колба, высотой метра в два. Продавщица нажимала кнопку, и молоко на-

чинало наполнять емкость за стеной. Белый уровень в колбе поднимался все выше и выше, и очередь пристально следила за ним. По уровню в колбе ты мог понять, хватит ли тебе молока, стоит ли еще стоять в очереди или можно уходить.

Но больше всего мне нравилось молоко в треугольных пакетиках. Оно, наверное, по качеству уступало, но хотелось купить именно его. В нем было что-то современное, городское, почти столичное.

Автомобилей в нашем дворе было только два – у нас и у наших соседей с первого этажа.

За год до возвращения на большую землю отец купил свой первый и единственный автомобиль – новенькие «Жигули». За эту «копейку», он отдал почти все, что заработал на севере, и очень любил свою машину. А у соседа с первого этажа была длинная белая «Волга». Он купил ее, работая в Алжире по какому-то советскому контракту.

Других авто в нашем дворе не было, и потому мне казалось, что мы очень богаты. И действительно, у нас было все, что «полагалось» в советской семье: кассетный магнитофон, холодильник, черно-белый телевизор, автомобиль.

Через год после возвращения родителям дали шесть соток, и отец стал строить «дачу». Когда он достроил свой домик на Гольме и три ряда виноградника начали давать урожай, это был уже полный комплект типовой советской мечты.

Где-то к концу 70-х нам наконец провели и телефон, оче-

редь на него, была почему-то самой длинной и хлопотной. Нам дали один номер на двоих с соседями, и когда телефон звонил, нужно было сначала узнать, кому звонят: нам или им?

Я считал тогда нашу семью очень продвинутой и вообще – «повидавшей мир». Когда нам с сестрой не было и года, отец уехал на заработки в Сибирь, в Нижневартовск, где только начинали добывать самотлорскую нефть. Он поехал туда за «длинным» сибирским рублем и сразу забрал жену с детьми. Каждое лето мы летали обратно на большую землю и отдыхали в разных пансионатах, на Черном море. Это было тогда очень круто – мало кто из детей-сверстников летал на самолетах и редко кто видел море. И потому мне казалось, что мы были очень обеспеченными.

Но самыми богатыми в городе, конечно, считались шахтеры, загадочные люди с черными-черными глазами. Шахтеры были самыми уважаемыми людьми и потому – самыми состоятельными. Они казались мне исполинами, великанами с широкими плечами и мозолистыми руками.

Шахтер – это сила, шахтер – это слава, почет и богатство.

У каждого шахтера были «Жигули» или «Волга», так считалось вокруг.

Горловка – шахтерский город, там много терриконов шахт, и по окружающим железнодорожным путям круглосуточно шли бесконечные эшелоны с углем. Но почему-то самих шахтеров я видел редко. Среди наших знакомых их не

было, они не жили и в нашем дворе. Я редко встречал их в автобусах, троллейбусах и трамваях, а их невозможно было бы пропустить или с кем-то спутать. И потому шахтеры, как люди, как класс, как натура, так и остались для меня загадочными исполинами с отбойным молотком на плече, с черным обводом глаз и светом фонарика на каске во лбу.

Наш двор (Конец 1970-х)

Каждое лето на небольшой пяточок внутри нашего района, рядом с маленьким колхозным рынком, приезжал немецкий цирк. Пустырь был своего рода нерегулируемым перекрестком, перепутьем тропинок и дорожек на пути из дома в школу, из дома на рынок, с рынка в кулинарию или из школы в музыкальный салон.

И вот в один из жарких летних дней на этот исчерченный тропами пустырь вдруг начинали съезжаться никелированные автомобили, автобусы и передвижные дома на колесах, яркие, громкие и иностранные.

Все начиналось с процедуры подъема шатра.

Ставились огромные высокие мачты, они крепились к земле стальными тросами и потом с помощью больших лебедок ловкие стройные ребята начинали поднимать сам шатер.

Посмотреть на это зрелище собирался весь район. Красивые, атлетичные немецкие парни быстро и деловито сновали между мачтами: кто-то крутил лебедки, кто-то крепил столбы. Завтра они переоденутся в красивую цирковую форму и превратятся в акробатов, клоунов или фокусников.

На целый месяц летний цирк из ГДР становился центром нашего мира. Вскоре мы уже узнавали циркачей в лицо и

знали, как зовут каждого из них. Немецкий цирк в районном центре простого шахтерского городка не смотрелся тогда чем-то удивительным. Это казалось нормой, что к нам приезжают иностранные артисты.

Поражало только одно – их модная одежда.

ГДР – социалистическая страна, как и мы, но у них все было по-другому. Они ходили в джинсах и жевали жвачку. А у нас джинсы были в редкость, и жевательные резинки в ярких обертках относились к разряду заветной детской мечты. Мы меняли на них все, что возможно, а потом, во дворе, уже обменивались между собой.

Все наше детство прошло во дворах. Мы постоянно были там чем-то заняты: футболом, хоккеем, а каждый год к нам приходила какая-нибудь новая дворовая игра.

В тот сезон мы играли в «подкрышки». Для этой игры нужно было иметь небольшую свинцовую битку, размером со спичечный коробок. Ты целился и кидал битку в небольшую горку, составленную из сплюснутых бутылочных крышек из-под лимонада. Если ты попадал и разбивал горку, то все крышки были твои. Если мазал, то битку кидал другой. Если никто по горке не попадал, то ее разбивал игрок, чья битка упала ближе всех. А далее, все поочередно, били своими битками по крышкам, лежащим на земле. Если крышка переворачивалась с первого удара – она твоя. Если нет, то ход передавался следующему.

Задача игры – выиграть как можно больше крышек. Вы-

игранные крышки – твоё богатство, «валюта», с которой ты ходил из одного двора в другой – заработать ещё или, наоборот, проиграть.

Чтобы крышку ударом свинцовой биты было трудно перевернуть, её нужно аккуратно и ровно сплюснуть. Лучше всего крышки «выпрямлялись» под колесами трамвая.

Мы раскладывали их на рельсах в ряд и ждали очередного трамвая. Когда он с грохотом проносился, отполированные тяжёлым колесом крышки со звоном разлетались по сторонам.

А через год модным стало играть в «банки». Там роль крышек играли большие банки из-под краски, из них соорудилась высокая горка. Вместо биты – железный прут. Это была уже более взрослая игра, ведь прут был тяжёлый. Не дай бог попасть им случайно в кого-нибудь из игроков.

Цель игры – попасть точно в банки. Если с первого удара никому попасть не удавалось, все продвигались на шаг вперед и опять кидали прут в банки. От меткого удара они с грохотом разлетались по сторонам.

Эта игра – что-то типа русской лапты, только на смену деревянной палке пришел железный прут, а на смену деревянным «городкам» – железные банки.

Рабочие кварталы придумывали своим детям новые игры из старых народных забав.

В нашем дворе

Детские мечты (1970-е)

В детстве я хотел быть космонавтом.

Мы росли в то время, когда каждого нового космонавта все знали по имени и в лицо. По возвращении с орбиты им обязательно давали звезду Героя Советского Союза, и все мальчишки хотели стать космонавтами.

А еще... я хотел уйти на войну, чтобы вернуться оттуда героем. Это была такая тайная мальчишеская мечта – когда вся школа, мальчишки и девчонки, собираются 1 сентября на линейку перед школой, а тут из-за угла выходишь ты, весь в орденах и медалях.

Нашими кумирами были космонавты и ветераны той недавней войны, увешанные боевыми наградами.

Чуть позже я решил стать следователем, кем-то средним между Томиным и Знаменским из «Следствие ведут знатоки», где «наша служба и опасна, и трудна», а от тебя требуются смелость и ум! И только после следователя я наконец-то решил стать ученым.

Это представлялось мне примерно так. Где-то далеко в лесу стоит большой дом. Лес дремучий, еловый и бесконечный. Форму дома я не помню, но он был теплый и с камином. Там я буду творить и что-то изобретать!

А раз в год возвращаться из лесного дома в город с новым очередным открытием!

Первые космонавты СССР

P.S.

Вот такими были наши детские мечты в застойные 70-е – гремучая смесь из космонавта, солдата, следователя и учебного-физика.

Кто бы мог подумать, чем все это закончится...

СОВОК

Сегодня, оглядываясь назад, вспоминая уже далекие советские времена, хочется заострить внимание на двух великих социальных достижениях той эпохи.

Первое – зарплаты.

Каждый месяц, 5-го и 20-го, наши родители получали зарплату. В Сибири отец зарабатывал хорошо, в Горловке меньше. Он часто менял работу, на стройке тогда платили немного. Но зарплата была всегда и у него, и у мамы. Это работало как часы, день в день. Точно в срок каждый работающий человек получал свою зарплату.

В столичной Москве, Сибири, азиатских кишлаках, украинских селах и городах, больших и малых, в крупных министерствах и маленьких мастерских, школах, институтах, театрах и больницах многомиллионное работающее население Советского Союза получало свою зарплату и было абсолютно уверено в том, что в следующем месяце обязательно получит опять.

Это не было сплошной уравниловкой, в самой системе оплаты были сложные коэффициенты учета, различные КТУ (коэффициенты трудового участия), премиальные, аккордные. Система не отличалась простотой, но, главное, она была безусловной. Это настолько вошло в привычку, что никто не мог представить, что может быть иначе.

Это не воспринималось как чудо или сверхдостижение. За организацию такого порядка никого не награждали, никому не давали государственных премий, не вручали медалей и орденов. Это было обыденностью, нормой жизни. Все были абсолютно уверены: так было и так будет всегда.

Второе – детский отдых.

Каждое лето все школьники Советского Союза ездили в пионерские лагеря. Такой отдых не был обязателькой, но все родители старались отправить своего ребенка в пионерский лагерь. Это было модно и стало постепенно общей нормой.

Каждое крупное и среднее предприятие имело свою базу отдыха. Между ними было своего рода соревнование, кто сделает свой пионерлагерь круче, чтобы их дети отдыхали в лучших местах. У одних лагеря были в лесу, у других на море. И летом десятки миллионов советских детей отправлялись отдыхать на природу в тысячи специально оборудованных баз отдыха.

Это было обычным делом, советской нормой. Иначе и быть не могло – все дети летом должны отдыхать на природе!

P.S.

Мы часто критикуем советский строй за его примитивность и убогость. Мы все время ищем образцы на Западе, пытаемся подражать ему, брать с него пример, якобы там все организовано гораздо сложнее и умнее.

Но что может быть сложнее, чем реализовать подобное? Чтобы каждый человек вовремя получал свою зарплату и каждое лето все дети непременно выезжали отдыхать!

А ведь это было у нас еще совсем недавно и называлось...
СОВОК.

Пионерлагерь (Лето 1978)

В первом лагере, куда нас с сестрой отправили родители, мне не понравилось.

Мы были еще детьми. Я плакал, уговаривал, чтобы нас забрали домой, но пришлось свыкнуться и дотерпеть. Все прелести пионерского лагеря осознаешь чуть позже, когда начинаешь разделять сверстников на... мальчиков и девочек.

Пионерский лагерь под Славяногорском – это легкие деревянные домики в сосновом лесу. В каждой комнате по восемь – десять кроватей. Туалет и умывальники на улице. Это воспринималось как игра, что-то среднее между «военной зарницей» и «походом».

Каждое утро начиналось с зарядки, построения и поднятия флага. Пионервожатые все время придумывали какие-то игры и состязания.

Из неизменных был конкурс военной песни. Каждый отряд должен был со сцены исполнить какую-то песню, инсценируя ее текст.

Если мы выбирали «Землянку», то сооружали холм из коробок и ящиков, и накрывали этот мусор куском брезента, изображая военное укрытие. Весь отряд выстраивался за «холмом» и начинал петь:

«Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...»

А на сцене, усаживалась «одинокая девочка» и «поджигала» спичками дрова, изображая огонь в печи... На словах «Про тебя мне шептали кусты», отряд, стоявший за «холомом», начинал шуршать ветками, изображая шорох.

Но особо популярна была песня «Бухенвальдский набат». Из отряда выбирали двух самых высоких и упитанных мальчиков, они должны были изображать «фашистов». Остальных одевали в потрепанную одежду, предварительно покрасив ее в полоску, чтобы напоминала арестантскую робу.

Когда в песне начинались слова

«Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!..»,

отряд «арестантов» набрасывался на «фашистов» и выталкивал их со сцены.

Далее все «арестанты» выстраивались в ряды и с трагическими лицами, насколько это у них получалось, продолжали петь:

«Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд...»

Эту песню мы исполняли из года в год. Мы инсценировали ее по-разному, меняли одежду, амуницию, но почему-то всегда к концу песни зал начинал хохотать.

Песня была серьезная и трагическая. Но то ли кто-то из «фашистов» получался уморительно смешным, то ли кто-то из «узников» был слишком упитанным для жертвы концлагеря, но всякий раз исполнение заканчивалось улыбками.

Вожатые шикали, ругались, грозились пальцем, но и сами в результате укатывались со смеху.

А главным событием пионерлагерной жизни была, конечно, вечерняя дискотека. Точнее – «танцы». Мы ждали их каждый день.

Пионерлагерь.
Севастопольск

Первые мои «танцы» в пионерском лагере были под баян. В центре круглой танцевальной площадки на стул усаживался пожилой баянист и начинал играть. Через год гармониста заменил проигрыватель с пластинками, а потом на смену ему пришел и магнитофон. Репертуар менялся, но обязательно половина танцев были быстрые, половина медленные.

Мы, естественно, все ждали... когда же будет медляк?

Тут наступал томительный момент.

Вообще в течение всего летнего месяца в пионерском лагере шел постоянный процесс выбора, с кем «дружить», — обязательный, самый интригующий и волнительный элемент

лагерной жизни.

Уже к концу второй недели все примерно понимали, кто с кем «дружит». Это было соревнование и соперничество.

Я помню, как пригласил на медленный танец девочку, за которой давно наблюдал.

Мы танцевали на пионерском расстоянии, вытянув руки, я держал ее за талию, а она положила мне руки на плечи. Но этого было достаточно, чтобы сразу после танца ко мне подошел какой-то шкет из младшего отряда.

Он толкнул меня плечом в сторону темного парка и сплюнув, тихо процедил:

– Не шелести.

Шкет был младше меня и ниже ростом, я не испугался, но он кивнул в сторону, где столпилась компания из трех-четырех крепких ребят.

– С ней хочет дружить Гарик, – прошептал шкет и указал мне на высокого крепкого пацана из старшего отряда. Он стоял в центре этой компашки.

Я гордо сказал, что мы пока не «дружим», но в любом случае это должен быть ее решение:

– Пусть выбирает она.

Мы потолкались в темноте плечами и разошлись.

«Дружба» заключалась в редких прогулках по дорожкам лагерного парка и случайных беседах наедине, раскачиваясь вдвоем на деревянных качелях.

К концу лагерной смены все мальчики и девочки были уже

по уши в своих «дружбах», и расставание проходило трогательно и мучительно. Мы что-то говорили друг другу про вечную дружбу и что мы обязательно должны еще встретиться. Но автобус возвращал нас в город, родители разбирали нас вместе с чемоданами и развозили по домам, ставя точку на очередной лагерной смене.

Оставались только томительные воспоминания о «дружбе» и времени, которое не вернуть уже никогда...

Машина

(Лето 1978)

Автомобиль для отца был страстью и смыслом жизни.

Он купил его на свои «сибирские» деньги и очень им гордился. Все время мыл его и старался начистить до блеска. Автомобиль был тогда редкостью и придавал чувство состоятельности и свободы. Летом отец отправлялся на нем в путешествия по Украине и брал меня с собой.

Я безумно любил эти поездки. По сторонам проносились леса, поля, города. Мы часто останавливались у каких-то памятников, в новых и незнакомых местах, а ночью спали прямо в машине, кое-как разместившись на сиденьях. А по дороге отец «калымил», подвозя случайных пассажиров.

Эти неожиданные полупреимущества заработки очень возбуждали отца. Он радовался им как ребенок. Я видел его азарт и сам включался в игру. Мне нравилось первым замечать на дороге голосующих людей, о чем я сразу радостно кричал отцу. А потом замолкал и ждал. Сколько нам заплатит этот «пассажир»? Отец никогда не называл цену.

– Сколько не жалко, – говорил он.

А потом радовался или огорчался, долго обсуждая, каким оказался этот случайный попутчик, жадным или щедрым, хорошим или плохим.

Постепенно эта «забава» со случайными заработками превратилась для него во второй источник дохода. Одной зарплаты на жизнь всегда не хватало. Работая прорабом на разных стройках в Горловке, по выходным он «калымил», зарабатывая что-то еще. Потом исчезал в гараже, пропадая там все выходные, что-то ремонтировал или конструировал приспособления, чтобы чинить машину было легче.

*«Жигули» первой модели
ВАЗ-2101*

Сдать машину в ремонт было почти невозможно. На единственной в области станции технического обслуживания была огромная очередь, да и всякий ремонт стоил огромных денег, обычной зарплаты на это не хватало. Отец чинил все сам, с трудом выискивая нужные детали и запчасти. Все тогда чинили свои авто самостоятельно.

Гаражный кооператив на окраине Горловки у подножия террикона шахты был важным местом, где собиралась «сосредоточенная» часть мужского населения нашего шахтерского городка. Там они встречались по выходным, обсуждали новости, играли в домино и выпивали. Там они чувствовали себя хозяевами жизни, свободными людьми.

Но легковых автомобилей в городе было мало, и периодически городское начальство накладывало на «свободных» автовладельцев необычную повинность – предоставить свои личные авто для государственных или партийных нужд. В момент прохождения техосмотра в ГАИ тебе могли неожиданно приказать посадить в салон какого-нибудь начальника и возить его бесплатно по городу, куда тот укажет.

Однажды на эту странную «барщину» напоролся и отец. Мы заехали в ГАИ, думая быстро управиться с осмотром, чтобы потом ехать на дачу. Была суббота, выходной день. Но офицер-гаишник вдруг подвел к нам даму, начальницу из горкома партии, и сказал, что мы должны повозить ее по строительным объектам, которые были в разных концах го-

рода.

Отец опешил, но делать было нечего, иначе талон техосмотра ему не дадут.

Унизительность ситуации была еще в том, что на заднем сиденье в этот момент находился я.

– Кто эта тетя? – шепотом спросил я у отца.

Он ничего мне не ответил, а лишь зло отвернулся в сторону и с этим демонстративно злым выражением лица ездил весь день. Неловкость ситуации с использованием чужого автомобиля с ребенком на заднем сидении чувствовала и она, но в горкоме партии автомобилей не хватало, а город был большой.

P.S.

Так я впервые узнал, кто такие «начальники», а потом и наслушался от отца, как он к ним относится...

Мама (1979)

В детстве я называл маму все время на «вы», даже дома.

– Мама, разрешите мне пойти во двор, отпустите меня с друзьями.

Простая, обычная женщина, она тянула все лямки, которые ложились на ее плечи по жизни.

Отец был деловитым и бойким. Это он решил уехать на заработки в Сибирь, а она покорно это приняла. Взяла двух годовалых детей и поехала за ним в Нижневартовск.

Городок нефтяников тогда только начинал строиться, и первым нашим жильем был строительный вагончик. Отец все время менял работу, а она тащила на себе домашние заботы, параллельно устроившись в строительную контору следить за «техникой безопасности». В советское время работать должны были все – и муж и жена.

Со стороны казалось – отец был главным. Но глядя изнутри, своим детским чутьем я понимал, что главная – она.

Когда отец заработал на машину, он решил, что хватит уже Сибири, и мы поехали назад на большую землю. Он потратил на «Жигули» почти все, что заработал, но все равно решил: хватит. И мы вернулись в Горловку.

Там у нас была трехкомнатная квартира на пятом этаже

обычной пятиэтажки, которую отцу, молодому выпускнику института, дали сразу, как только родились мы с сестрой. Такие же дома стояли и вокруг. Строительство «хрущевок» было тогда в самом разгаре. Вчерашние жители деревень переселялись в отдельные квартиры из тесных рабочих общежитий и коммуналок. Горячая вода, отдельный туалет уже считались обязательным уровнем комфорта для советского человека.

Изредка приезжая к родственникам в деревню, я видел старые деревянные дома с туалетом на улице, где воду носили из колодца на коромысле. Нам нравилось греться у деревенской печи, но это было уже как игра в старину.

Деревня – вчерашний день, сегодня люди должны жить в городе. Любая городская отдельная квартира воспринималась как ступень вверх. Там многого еще не хватало, но прогресс шел и чувствовался во всем. К концу 70-х у всех в квартирах было по холодильнику, это считалось нормой.

А вот с телевизорами были еще проблемы. Всеобщая телефикация проходила в течение 70-х и постепенно решился и этот вопрос. В нашем доме черно-белый телевизор был у всех, а цветной – только у соседей с первого этажа, мы ходили к ним смотреть фигурное катание. У нас цветного телевизора так и не появилось, да и черно-белый все время ломался. Шла какая-то рябь, помехи, часто нужно было придерживать сзади отходившие лампы, чтобы наладить картинку.

Перед телевизором посреди комнаты в зале стояли два

кресла, а между ними торшер.

Каждый вечер после работы отец усаживался в кресло и раскладывал у ног пришедшие за день газеты. Он выписывал тогда «Правду», «Известия», «Комсомолку» и местную «Кочегарку». Отец зачитывал их до дыр, периодически что-то комментируя или обсуждая с мамой и нами, детьми. А после прочтения газет начинался его длинный монолог о рабочих делах на его участке, сложностях и заботах.

Он работал на стройке, был человеком неуживчивым и все время с кем-то ругался. Все эти производственные проблемы он сильно переживал и вечерами выражал нам свое недовольство то одним начальником, то другим. Мама и мы с сестрой дружно кивали, успокаивали его, поддерживая в его бесчисленных рабочих конфликтах.

Так проходили вечера. Папа изливал свою душу, а мама его утешала, занималась домашними делами, готовкой, уборкой.

Она успевала везде и терпеливо тянула все.

В отличие от отца, у нее на работе к этому времени все было хорошо. Она устроилась сначала инженером, а потом постепенно доросла до главного инженера по технике безопасности на местной трикотажной фабрике. И считалась там начальницей.

У нее был даже свой кабинет.

P.S.

От обращения к родной маме на «вы» я отучился не сразу. Это удивляло многих друзей и постепенно, как и все, я перешел с мамой на «ты». Но внутри так и осталось.

Самая главная – это мама!

Школа (1979–1980-е)

Я не учил украинский в школе.

Тогда на Донбассе было правило, что все, кто попадали в школу с третьего класса, освобождались от изучения украинского языка и литературы.

Когда мы вернулись в Горловку, я как раз пошел в третий класс и потому был освобожден от «украинского». Но чтобы я не шатался без дела, учительница требовала, чтобы я сидел в классе и слушал ее уроки. Я не получал оценок (мне не давали задания), но находиться в классе был обязан и потому постепенно украинский язык, естественно, выучил.

К концу восьмого класса я уже свободно понимал по-украински и мог на нем говорить. Писал по-украински, конечно, плохо, но не хуже многих других.

Часто наша учительница во время диктантов просила, чтобы их писал и я, а потом многозначительно тыкала моей тетрадкой в лицо какому-нибудь двоечнику: «Вот, смотри, даже Васильев и то сделал меньше ошибок!»

А еще мне нравилось учить наизусть украинские стихи, особенно Шевченко, это очень оттачивало память. Любимым был, конечно, «Рече та стогне Дніпр широкий...».

Вообще украинский язык был для меня очень забавным,

все время казалось, что его основная задача – зачем-то заменить в русских словах некоторые гласные на «і» с точкой. А основная цель обучения – угадывать, куда же поставить эту «і», вместо простого русского «и» или русского «о»?

8 «А» класс,
школа №16

Но были, конечно, и сложные моменты, когда нужно было догадаться: куда же вставить «ї» с двумя точками?

Этому искусству я так и не научился.

Вообще, украинского языка в Горловке, и на Украине в целом, было тогда довольно много. В основном это определялось тем, что вся Украина смотрела два телеканала.

Первый, самый главный, – общесоюзный канал, он был, естественно, на русском. А второй – украинский канал, вещал на мове.

Все смотрели оба эти телеканала и непрерывно между ними переключались в поисках того или иного фильма или интересной передачи. И естественно, в результате этого постоянного переключения ты постепенно переставал замечать различия между двумя языками и уже абсолютно свободно мог слушать и понимать их оба.

В обычной жизни: дома, в школе, во дворе – везде в Горловке все говорили только по-русски. Украинский язык я слышал лишь на уроках «украинского» в школе и по украинскому телевидению.

В живой разговорной речи его не было. Исключением были отцовские родственники из села под Хмельницким, откуда он был родом. Когда они приезжали к нам в гости, то говорили наполовину на русском, наполовину на мове. Точнее, так с ними разговаривал отец, а мы просто слушали этот их сельский говор. Тогда украинский язык и стал для меня ас-

социироваться с селом, с украинской родовой глубинкой отца. Городская Украина говорила исключительно на русском, по крайней мере на Донбассе.

Но главное, что мне дала школа № 16 города Горловки, где я учился, была любовь к математике!

И «виновником» тому был лучший учитель математики всех времен и народов, Иосиф Моисеевич Михайловский. Это был не просто преподаватель, он был умнейший человек, эрудит, знаток всего и вся. Ему было тогда около 50, он очень любил литературу и мог бесконечно долго читать наизусть Пушкина или неожиданно посреди урока математики вдруг рассказать байку про Ходжу Насреддина.

Каждый его урок был каким-то фонтаном новых знаний, мыслей, историй и рассказов. Именно он, Иосиф Моисеевич, и научил меня... думать.

Он привил вкус к чтению и поиску знаний.

Но главное, я вдруг почувствовал, что могу решать задачи быстрее других в классе. Кроме простых задачек из программы, он всегда давал одну не стандартную, какую-то очень заковыристую. Он объявлял тишину и смотрел, кто решит первым. Я все время ждал этой минуты, чтобы начинать думать. Это движение мысли в голове, этот процесс поиска ответа был безумно увлекательным и очень будоражил молодые мозги. А главное – нужно было найти ответ первым. Именно к этому призывал Иосиф Моисеевич как в игре «Что? Где? Когда?».

«Минута пошла!» – объявлял он, и я начинал исписывать листок бумаги в поисках правильного ответа.

Постепенно я стал замечать, что находил решение одним из первых, а потом и вовсе каждый раз первым. К этому стал привыкать и мой учитель, он даже просил меня не спешить поднимать руку, дать шанс другим.

Еще одним учителем, кто запомнился мне в школе, была наша классная руководительница. Именно из-за нее меня с другом и выгнали из школы. Именно выгнали. За поведение. Я не был каким-то драчуном или лентяем, наоборот. Я исправно ходил школу, учился только на четверки и пятерки, единственную тройку поставила мне она.

Это была – месть.

Она преподавала русский язык и литературу и все время ругалась. Она ругалась на всех, на каждого ученика в отдельности и на весь класс целиком, придумывая каждый раз какие-то новые обороты и словечки.

Как-то мы с другом стали выписывать все ее ругательные слова на отдельный листок и носили его с собой, как шпаргалку. Из многочисленных ее ругательств мы решили заносить туда только слова и словосочетания на букву «Д».

Дурак, дебил, дупло, дерево, дальтоник, душный,дохлый, дурашка, долбанутый, дятел, дошел до дна, долетел до ручки, дребедень в голове, достал до почки, драчун, дерьмо и т. д. и т. п.

Богат и необъятен русский язык.

Эта «шпаргалка» росла и росла, и мы вынуждены были приклеивать к ней новые листочки, сворачивая свиток в гармошку. В это трудно поверить, но число ругательств на букву «Д» перевалило за 100 и через какое-то время слухи о нашем «списке» стали распространяться по всей школе.

О нем, конечно, узнала и она.

Однажды она не выдержала и во время очередного приступа ругательств в чей-то адрес резко обернулась в мою сторону и закричала:

– Васильев, запиши новое слово в свой дневник – «дегенерат»!

P.S.

Именно эти два учителя, математики и русского языка, и определили в результате мою судьбу.

Из-за конфликта с классным руководителем я вынужден был после восьмого класса уйти из школы. Мы с другом вместо окончания десятилетки пошли в машиностроительный техникум.

Четыре года техникума дали мне достаточно времени, чтобы повзрослеть и понять, что я хочу от жизни. А любовь к точным наукам, которую мне привил лучший учитель математики города Горловки, определила мой дальнейший жизненный выбор.

Наши книги (1980)

Первая настоящая книга, которую я прочитал, – «Таинственный остров» Жюль Верна.

До нее были тонкие книжки с картинками и раскраски, но первая толстая и без картинок была именно эта.

На далекий затерянный в океане остров случайно залетают на воздушном шаре пятеро беглецов, спасающихся из плена. Попав на необитаемый остров, они пытаются выжить и постепенно, шаг за шагом, налаживают там жизнь.

Из единственного пшеничного зернышка, оказавшегося в кармане одного из беглецов, им удастся вырастить первый колосок. Из колоска засеять грядку, а из грядки потом – целое поле. Им удастся приручить диких животных и устроить настоящую ферму.

Год идет за годом, и человеческий труд, смекалка и знания превращают безжизненный далекий остров в обжитой уютный дом. Лишь концовка книга смущала неожиданным фантастическим финалом, где появляется старый капитан Немо со своей невероятной подводной лодкой «Наутилус».

Это была первая книга, которую я прочитал сам, по собственному желанию и инициативе, а не по школьной программе. Оказалось, что читать не «по программе» – это

безумно интересно и совсем не скучно.

Уже тогда я заметил – в школе задают читать неинтересные книги. Если хочешь что-то увлекательное, нужно искать самому.

Прочитав эту первую толстую книгу, я попросил маму найти что-нибудь еще, но у нас книг почти не было. «Домашняя библиотека» была большим богатством. Шкаф, заполненный книгами, был редкостью, по крайней мере в нашем доме такого почти ни у кого не было.

Но мама нашла знакомую, у которой книги были, и повела меня к ней. Там я и стал брать на время что-нибудь почитать. С этого момента было прочитано огромное количество приключенческой литературы типа «Трех мушкетеров», «Шерлока Холмса» или «Последнего из могикан».

Но более всего мне тогда нравилась советская фантастика, особенно «Тайна двух океанов».

Сверхсовременная советская подлодка плавает в глубинах мирового океана. Она – лучшее достижение наших ученых. Так же, как в «Таинственном Острове», эта книга была про изобретения и труд. Но Жюль Верн писал про нитроглицерин, который понадобился, чтобы взорвать гранитную скалу, а тут был придуман современный ультразвуковой излучатель, чтобы поражать вражеский объект.

Врагом была японская эскадра.

Эти книги, и наши, и иностранные, были очень «советскими» и правильными – про любовь к науке и патриотизм.

Они хорошо впитывались молодыми пионерскими мозгами.

Но главной книгой юности стал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Я прочитал ее летом 80-го, когда только поступил в техникум.

Обычный моряк, парень из самых низов случайно знакомится с красивой умной девушкой из высшего общества.

Он прост, груб и плохо образован. Но для смеха и из снисхождения к увлечению дочери ее родители позволяют Мартину бывать у них дома. Моряк потрясен высшим светом, его «высокими» идеалами и решает полностью изменить свою жизнь.

Он будет писателем!

Но, не умея даже грамотно писать, он вынужден начать с азов и погружается в самообразование: читает книги, философские труды, работает над языком.

Он пишет рассказы и рассылает их повсюду, но никто не хочет их публиковать. Нужно на что-то жить, и он днем работает в прачечной, а по ночам продолжает писать рассказы. Но их все так же отсылают ему назад. Девушка, из-за которой он и устремился в этот «высший свет», уходит от него. Родители ищут для нее более подходящую партию.

А он все пишет и пишет, работает и работает.

И за труды ему воздается – наконец одно издательство случайно печатает его повесть. Она производит фурор. Одно за одним издательства наперебой выпрашивают у него книги, предлагая за публикацию большие деньги.

Мартин становится знаменитостью, его приглашают в лучшие дома и клубы. К нему возвращается девушка, ради которой он когда-то бросил свой простой моряцкий мир. Но увидев, что она вернулась не к нему, а к его богатству, он отказывается от нее.

Когда к нему приходят слава и деньги, когда приходит все то, ради чего и было это нечеловеческое напряжение сил, он наконец-то все понимает.

Эта жизнь становится ему неинтересна.

Он покупает билет на пароход и где-то посреди огромного Тихого океана бросается в воду и уходит вглубь навсегда...

P.S.

Я не мог заснуть после этой книги несколько дней. «Мартин Иден» перевернул мою жизнь.

Если ты хочешь познать что-то высшее, недостижимое – борись. И даже если мир наверху неидеален, этот путь стоит того, чтобы его пройти. Ведь нет ничего величественнее, чем, достигнув вершины, познать ее несовершенство.

Техникум (1980–1984)

Почему мы с другом решили уйти из школы и поступить в техникум, для меня до сих пор остается загадкой.

Хотя у нас и был конфликт с классной руководительницей, его можно было замять. Школу я не любил, но все равно четкого и логического объяснения этому шагу у меня до сих пор нет.

Когда мы вернулись в Горловку, я влился в третий класс чужой для меня школы. Там уже были сформировавшиеся компании, интересы, и я в них не вписывался. Детское восприятие обид, неудач и оплошностей быстро сформировало у меня стойкую нелюбовь к новой школе. Мне казалось, что я был там каким-то незаметным, серым, забитым учеником. А мне хотелось быть вожаком. Но как стать вожаком, если вокруг – враждебные детские компании, которые тебя не замечают и обижают?

Единственным другом стал Игорь.

Нас посадили за одну парту, мы быстро сдружились и у нас сразу появились свои, отдельные от других, интересы, планы и истории. Мы были неразлучны и все время придумывали какие-то игры в тайные общества и подпольные организации, противопоставляя себя остальным ученикам.

Тайком, поздно вечером, когда на улице уже темнело, мы чертили мелом на асфальте школьного двора три буквы – ТПО.

«Тайную Пионерскую Организацию» мы учредили в пятом классе.

Горловский
машиностроительный
техникум

В ней состояли два человека – Игорь и я. Был написан устав и клятва, мы собирались бороться за все хорошее и против всего плохого! Нам казалось, что у всех наших одноклассников примитивные интересы и шутки. Называя себя пионерами, они на самом деле живут совсем не по «пионерским» ленинским принципам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.